

Маликов Илья Геннадьевич

аспирант социологического факультета
Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова

О ЛОЖНЫХ ОСНОВАНИЯХ СУЩЕСТВУЮЩИХ ДЕНЕЖНЫХ ТЕОРИЙ И ВЛИЯНИИ ДЕНЕГ НА ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Malikov Ilya Gennadyevich

PhD student,
Sociological Department,
Moscow State University

ABOUT FALSE GROUNDS OF EXISTING MONEY THEORIES AND MONEY'S IMPACT ON SOCIAL RELATIONS

Аннотация:

Статья посвящена исследованию социально-экономической природы денег. Автор проводит краткие инвентаризацию и классификацию существующих денежных теорий, а также анализирует лежащие в их основе научные мифы. На базе исторических иллюстраций и обращения к передовым данным экономической социологии и социальной антропологии развенчиваются следующие общепринятые экономические постулаты: государственный характер денег как законного средства платежа, наличие у денег внутренней ценности, а также происхождение денег из меновой торговли (бартера). Изучается хронологическое развитие ложной научной парадигмы «бартер – деньги – кредит» в XIX–XX вв. и наглядно доказываемая, что деньги имеют знаковую (семиотическую) природу, а не вещественную. В заключение автор приходит к закономерным выводам, что, будучи средством измерения долга в обществе, любые денежные системы могут носить как государственный характер, так и частный, обладают факультативной внутренней ценностью, а в пределе – формируют денежную культуру, на основе которой в исключительных случаях социальных потрясений может возникнуть бартер.

Ключевые слова:

природа денег, типология денежных теорий, законное средство платежа, внутренняя ценность денег, бартер, средство обмена, миф о меновой торговле, мифологизация экономической истории, виртуальные деньги.

Summary:

The paper discusses the socio-economic nature of money. The author conducts a brief inventory and classification of existing monetary theories, as well as analyzes the underlying scientific myths. Based on historical illustrations with the reference to the advanced data of economic sociology and social anthropology, the following generally accepted economic postulates are debunked in the paper: the state nature of money as a legal means of payment; the presence of money's "intrinsic" value, as well as the origin of money from the exchange trade (barter). The paper analyzes the chronological development of the false scientific paradigm "Barter-Money-Credit" in the 19–20 centuries and clearly demonstrates that money has a symbolic (semiotic), and not material nature. In conclusion, the author comes to the logical inference that, being a means of measuring debt in society, any monetary system can be both public and private, have optional intrinsic value, and ultimately form a monetary culture, on the basis of which in exceptional cases of social cataclysms, barter may occur.

Keywords:

nature of money, money theories typology, legal tender, intrinsic value of money, barter, medium of exchange, myth of exchange trade, mythologization of economic history, virtual money.

Споры о природе денег безуспешно ведутся тысячи лет. Премьер-министр Великобритании У. Гладстоун еще в 1844 г. остроумно заметил: «любовь не сделала столько людей дураками, сколько мудрствование по поводу сущности денег» [1, с. 49]. В начале XX в. выдающийся русский экономист З. Евзлин писал: «Литература по денежному вопросу необъятна, и тем не менее денежную проблему нельзя считать уже решенной, а учение о деньгах в экономической науке – твердо установившимся» [2, с. 2]. Сегодня, более века спустя, с учетом всех достижений экономической мысли и научно-технического прогресса «воз и ныне там»: несмотря на обилие научных школ и теорий, каждый экономист понимает деньги хотя бы немного, но по-своему. Отсутствие консенсуса и неспособность одной из теорий занять доминирующее положение рождает подозрение, что, возможно, такая теория еще не была предложена обществу. Существующие концепции денег и кредита можно условно объединить в три следующих больших блока.

Металлическая теория денег (металлизм) представляет собой историческое обобщение экономических позиций разных периодов, отождествляющих богатство общества с драгметаллами. Металлизм окончательно оформился в трудах меркантилистов, в основу которых положена товарная сущность денег. Основная идея: деньги, будучи сами товаром и неотъемлемой частью товарного мира, свидетельствуют о других товарах (других частях целого) и таким образом раскрывают их связи и структуру экономики.

Номиналистическая теория (номинализм) отрицает товарную и внутреннюю стоимость денег, рассматривает их как условные знаки. По мнению номиналистов, деньги – это счетные

единицы, создаваемые государством для выражения меновых пропорций. Номинализм декларирует «отрыв денег от их первоизданной товарной сущности» [3, с. 73], после чего их стоимость определяется лишь номиналом.

Количественная теория также отрицает товарную сущность денег, которые имеют собственную стоимость до включения их в обращение. Первопричина установления уровня цен и стоимости самих денег – их количество в обращении, что постулирует еще больший (чем у номиналистов) отрыв денег от их товарной сущности и приводит, по мнению К. Маркса, к фактическому разрыву с еще более глубокой сущностью товара – его производством – и, как следствие, к кризисным последствиям.

Иногда отдельно выделяют монетаризм, кейнсианскую, функциональную и государственные теории денег, однако, по нашему мнению, они являются вариациями описанных блоков. Все указанные концепции базируются на одном или нескольких из трех величайших экономических мифов современности, ложность которых мы попытались кратко обосновать.

Миф № 1. Деньги как законное средство платежа (legal tender) создаются правительствами, вне государства и права они не существуют. Данный миф легко опровергается многочисленными случаями использования частных денег. Например, в середине XIX в. житель Сан-Франциско, Дж.А. Нортон провозгласил себя императором США и начал выпускать собственную валюту [4]. Местные жители, магазины, рестораны [5, р. 112], а также городские банки повсеместно принимали к оплате банкноты Нортон I наравне с долларами США [6, р. 70]. «Суверенные» деньги «императора» находились в обороте более 20 лет, вплоть до его смерти в 1880 г., после чего приобрели коллекционную ценность.

В английских городах Льюис и Брикстон для продвижения небольших традиционных местных магазинов созданы внутренние валюты – фунт Льюиса и брикстонский фунт соответственно. Ими местные жители могли расплатиться за любой товар и оплатить любые счета в пределах этих населенных пунктов. С 1987 г. в тематических парках У. Диснея, на курортах, круизных кораблях и частном острове Диснея, Castaway Cay, используется доллар Диснея (купюры номиналом в 1, 5, 10 и 50 долларов), ценность которого приравнена к доллару США. В современном мире, в том числе в России, широко распространены альтернативные платежные средства, так называемые денежные суррогаты, с которыми активно, но безуспешно, борются все правительства.

Миф № 2. Деньги имеют свойственную им внутреннюю ценность (intrinsic value). Данный миф легко опровергается примерами денег, интуитивно не имеющих никакой ценности. Так, в некоторых районах Эфиопии мелкие деньги заменяли стреляные патронные гильзы, обычно считающиеся мусором. На островах Полинезии в качестве денег используют дохлых крыс.

В этом плане также показательны железные деньги Спарты в виде прутьев (арматуры). В Древней Греции существовала денежная единица под названием «обол», одновременно являвшаяся мерой веса, равной примерно 0,7 г, в Спарте использовали оболы в форме гомоздких и непрактичных железных прутьев. Они были настолько тяжелее монет, насколько железу было дешевле серебра. Данная система была необходима для того, чтобы спартанцы меньше стремились к богатству, а также меньше воровали и давали взятки. Правовое, политическое и, наконец, идеологическое устройство общества определило такую форму денег и не предполагало какой-либо внутренней ценности.

В начале XX в. в Демократической Республике Конго, бывшей на тот момент частным владением короля Бельгии Леопольда II, в качестве денег широко применялись отрубленные руки работников каучуковых плантаций [7, р. 31]. Изначально конечности использовала личная военная компания правителя Force Publique («Общественные силы») для отчета о казнях нарушителей производственного плана [8, р. 165] и учета затраченных на это патронов [9, р. 25]. Постепенно, с возрастанием норм выработки, руки стали отрубать у живых людей, они превратились в натуральную форму оплаты «налога на тунеядство», а затем и в разновидность местной валюты [10, р. 193]. Конечности для сохранности коптили, их отмеряли корзинами [11, р. 38], которые собирали деревни аборигенов для откупа от рабского труда [12, р. 374]. Каратели короля получали бонусы к зарплате за работу по сбору рук в этой же «валюте» [13], которая таким образом возвращалась в денежный оборот «адской экономики» Конго [14, р. 85]. Несомненно, конечность человека как живой орган имеет для ее владельца большую ценность, что вряд ли можно сказать об отрубленной. В данном примере «валюта» носит скорее символический характер и отражает абсолютную власть монарха, служит элементом устрашения и принуждения.

Миф № 3. Деньги произошли от бартера, имеют меновую природу, поэтому их главная функция – быть средством обмена (обращения). Авторство идеи бартера принято приписывать Аристотелю, который еще в 330 г. до н. э. в трактате «Политика» рассуждал о данной проблеме в сходном ключе. Он считал, что изначально первые общины, т. е. семьи, были самодостаточны,

так как производили все самостоятельно и не нуждались в обмене. Со временем развилась специализация, что привело к обмену предметами первой необходимости, меновой торговле и появлению денег [15, с. 391].

Здесь важно отметить, что о происхождении денег Аристотель рассуждал гипотетически, не вдаваясь в подробности [16, р. 70], поскольку это не являлось основным предметом его исследования. Более того, многие современные авторы полагают, что античный мыслитель вообще никогда не говорил о меновой торговле как таковой [17, р. 292] и современное понимание данного вопроса обусловлено устоявшимися трудностями перевода.

Древнегреческий термин *metadosis* во времена Аристотеля обычно обозначал 'уделение', 'пособие' [18], а также 'распределение' или 'дележ' [19, р. 394]. Американско-канадский экономист К. Поланьи, исследуя эту проблему, недвусмысленно пишет, что «обмен» не мог в принципе возникнуть из *metadosis* в его исходном значении, поскольку слово означает буквально 'односторонний выдел доли в церемониальной трапезе или другом общественном мероприятии' [20, с. 151], а значит, переводчики в корне извратили идею Аристотеля, поставив ее с ног на голову и превратив в «пустой трюизм» [21, с. 152].

Самую хронологическую парадигму «бартер – деньги – кредит» предложил в XVI в. в лекциях флорентийский финансист Б. Даванцати (1529–1606) [22]. Однако после открытия Нового Света Колумбом европейская цивилизация активно осваивала Америку, Африку и Вест-Индию, уничтожая белые пятна на карте мира. Европейские путешественники, посещавшие новые страны в XVI–XVII вв., единодушно полагали, что все общества, безусловно, имеют собственные виды денег, поскольку все они имеют правительства, которые эти деньги эмитируют [23, р. 19].

Никто так и не смог найти вымышленную страну бартера, поэтому легенды о бартерном происхождении денег на длительное время исчезли, рассказывать их стало признаком дурного тона. Однако отец-основатель экономической науки А. Смит в конце XVIII в. беззастенчиво положил этот миф в основу своей экономической теории. По мнению профессора антропологии Лондонской школы экономики Д. Грэбера, данное утверждение Смита – фундаментальный миф экономической науки.

Теоретизация на базе мифа была призвана показать, что случайная группа людей, собранных вместе и имеющих разные желания и предпочтения, гипотетически в состоянии не только определить единый товар, пригодный для использования в качестве денег, но и учредить единую систему цен. Такая бездоказательная логика образует прямолинейную прогрессию, в которой в процессе нарастающего абстрагирования и усложнения обмен бивнями мамонта у пещерных людей неизбежно приводит человека к фондовым рынкам и производным финансовым инструментам.

Экономисты немецкой исторической школы оформили парадигму «бартер – деньги – кредит» теоретически. Б. Гильдебранд (1812–1878) выделил различные этапы экономического обмена: доисторический (бартер), античный (чеканка монет) и современный (кредит) [24]. Благодаря трудам многочисленных последователей А. Смита, таких как К. Менгер (1840–1921) и С. Джевонс, данная теория обросла математическими формулами и техническими терминами и укоренилась в общественном сознании [25, р. 28]. Наконец, К. Бюхер (1847–1930) придал этой концепции канонический вид, в котором она известна нам сегодня [26]. Г. Зиммель также проповедовал на рубеже XIX–XX вв. миф о бартере как о первоисточнике денег в труде «Философия денег» [27, р. 30], однако «все дальнейшие исторические исследования доказали его ошибочность» [28, р. 395].

Эту фиктивную хронологию по умолчанию вынужденно принимает и К. Маркс (1818–1883), хотя и уточняет, что рассматривать экономические категории в той исторической последовательности, в которой они играли доминирующую роль, – недопустимо и ошибочно. Он пишет, что, наоборот, «их последовательность определяется тем отношением, в котором они находятся друг к другу в современном буржуазном обществе, причем это отношение прямо противоположно тому, которое представляется естественным или соответствует последовательности исторического развития» [29, с. 30].

Такая оговорка по К. Марксу весьма символична – будучи одаренным человеком, он ясно понимал абсурдность имевшейся концепции, но в отсутствие реальных антропологических и этнографических данных предпочел объявить примат логического метода познания над историческим. По сути, К. Маркс был последним экономистом XIX в., добросовестно заблуждавшимся относительно происхождения денег из обмена, что, впрочем, не помешало ему оспорить главенство функции денег как средства такого обмена (обращения) [30, с. 135] и выделить как первичную мерную функцию денег [31, с. 138].

Удобно считать, что недочеты, обнаруженные К. Марксом в чужих денежных теориях, были исправлены в его собственных работах, однако это не так. Миф о возникновении денег из бартера легко вводит в заблуждение относительно того, что доденежные общества были основаны на бартере [32, р. 292], однако на самом деле давно выяснено, что бартер (в строгом смысле

безденежного рыночного обмена) никогда не был количественно важной или доминирующей моделью либо операцией в какой-либо из существовавших экономических систем, о которых мы имеем точную информацию [33, p. 185].

Действительно, вплоть до сегодняшнего дня, когда 99 % поверхности суши сфотографировано при помощи спутников, никто так и не обнаружил эту вымышленную страну бартерной торговли А. Смита. Профессор антропологии Кембриджского университета К. Хамфри в фундаментальном исследовании бартерной торговли пишет: «не доказано существование ни одного случая бартерной экономики в чистом виде, не говоря уже о появлении на основе бартера денег. Все доступные данные этнографии говорят о том, что такого не происходило никогда» [34, p. 48].

Тем не менее это утверждение не означает, что бартера не существует в принципе. Это лишь значит, что бартером не занимаются односельчане, «такой обмен обычно происходит между чужаками или даже врагами» [35, p. 29], которые, очевидно, были *знакомы ранее с культурой денежного обмена*. Доктор антропологии П. Хеди отмечает, что при понимании бартера как сугубо экономического явления, сводящегося к механистическому обмену предметами и не подразумевающего выстраивания социальных отношений, отнюдь не очевидно, существовала ли такая форма обмена когда-либо [36].

В итоге, начиная с XVIII в., миф о меновой торговле укоренился в общественном сознании и «теперь большинство людей принимают эту историю за чистую монету, считая ее воплощением здравого смысла» [37, p. 28]. Мифологизация экономического знания протекала одновременно со становлением экономики как независимой дисциплины, а сам миф лег в основу общепринятой рыночной теории денег. Таким образом, краеугольным камнем современной экономической науки стала грандиозная научная мистификация, игнорирующая социальное и политическое измерение денег [38, p. 15].

Приведенные примеры наглядно демонстрируют, что деньги создаются не только правительствами, но и частными лицами. Они не имеют никакой внутренней ценности, и даже монеты лишь обозначают ее. Использовать виртуальные кредитные деньги (простой долг) – естественно для человеческого мозга, не деньги возникли из бартера, а наоборот, бартер возник из них и имеет асоциальный характер. При наступлении дефицита денег в благоприятных социальных условиях люди переходят на простой виртуальный кредит (долг).

Ссылки:

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. В 50 т. Т. 23. М., 1960. 924 с.
2. Евзлин З. Деньги / под. ред. проф. М. Боголепова. 2-е изд., перераб. и доп. Ч. I. Петроград, 1923. 294 с.
3. Фетисов С.К. Семиотическая сущность денег // Экономический журнал. 2010. № 2 (18) С. 72–78.
4. Ryder D.W. San Francisco's Emperor Norton: The Story of Norton I, Emperor of America and Protector of Mexico. San Francisco, 1939. 53 p.
5. Morris R. Ambrose Bierce: Alone in Bad Company. Oxford, 1996. 306 p.
6. Foster R.J. Beautiful San Francisco. Woodburn, 1977. 71 p.
7. Renton D., Seddon D., Zeilig L. The Congo: Plunder and Resistance. L.; N. Y., 2007. 256 p.
8. Hochschild A. King Leopold's Ghost: A Story of Greed, Terror and Heroism in Colonial Africa. L., 2011. 400 p.
9. Twain M. King Leopold's Soliloquy. N. Y., 1970. 95 p.
10. Lamb J.M. Black. Bloomington, 2013. 438 p.
11. Casement S.R. The Eyes of Another Race: Roger Casement's Congo Report and 1903 Diary. Dublin, 2003. 320 p.
12. Forbath P. The River Congo: The Discovery, Exploration, and Exploitation of the World's Most Dramatic River. N. Y., 1977. 416 p.
13. Kerr G. A Short History of Africa: From the Origins of the Human Race to the Arab Spring. Harpenden, 2011. 162 p.
14. Doyle A.C. The Crime of the Congo. Scotts Valley, 2015. 98 p.
15. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 4. Философское наследие. М., 1983. 830 с.
16. Fayazmanesh S. Money and Exchange: Folktales and Reality. Abingdon, 2006. 170 p.
17. Seaford R. Money and the Early Greek Mind: Homer, Philosophy, Tragedy. Cambridge, 2004. 384 p.
18. Греческо-русский словарь [Электронный ресурс] / сост. А.Д. Вейсман. 5-е изд. СПб., 1899 // Древлебиблиотека. https://txt.drevle.com/text/veismann-grechsko-russkiy_slovar-1899 (дата обращения: 02.03.2020).
19. Graeber D. Debt: The First 5000 Years. N. Y., 2011. 544 p.
20. Поланьи К. Избранные работы. М., 2010. 200 с.
21. Там же. С. 152.
22. Waswo R. Shakespeare and the Formation of the Modern Economy // Surfaces. 1996. Vol. VI. <https://doi.org/10.7202/1064862ar>.
23. Servet J.-M. Le troc primitif, un mythe fondateur d'une approche économiste de la monnaie // Revue numismatique. 2001. Vol. 6, no. 157. P. 15–32. <https://doi.org/10.3406/numi.2001.2314>.
24. Hildebrand B. Natural-, Geld- und Kreditwirtschaft // Hildebrand's Jahrbüchern für Nationalökonomie und Statistik. 1864. Bd. II. S. 1–4.
25. Graeber D. Op. cit. P. 28.
26. Bücher K. Industrial Evolution. N. Y., 1901. 287 p.
27. Simmel G. The Philosophy of Money. L., 2011. 640 p.
28. Graeber D. Op. cit. P. 395.
29. Маркс К. Капитал. В 3 т. Т. 1. М., 2013. 588 с.
30. Там же. С. 135.

31. Там же. С. 138.
32. Seaford R. Op. cit. P. 292.
33. Dalton G. Barter // *Journal of Economic*. 1982. Vol. 16, iss. 1. P. 181–190. <https://doi.org/10.1080/00213624.1982.11503968>.
34. Humphrey C. Barter and Economic Disintegration // *Man. New Series*. 1985. Vol. 20, no. 1. P. 48–72. <https://doi.org/10.2307/2802221>.
35. Graeber D. Op. cit. P. 29.
36. Heady P. Barter // *A Handbook of Economic Anthropology* / ed. by J. Carrier. Cheltenham, 2005. P. 262–274.
37. Graeber D. Op. cit. P. 28.
38. Servet J.-M. Op. cit. P. 15.

Редактор: Тюлюкова Мария Олеговна
Переводчик: Мельников Евгений Вячеславович